

Герцог Ришелье

1

Арманд-Эмманюэль София-Септимани дю Плесси Ришелье родился 25 сентября 1766 недалеко от Бордо, во Франции, в одной из наиболее известных во всей Европе аристократических семей. Уже сам по себе факт его появления на свет принес ему третий наследственный титул — граф де Шинон. Смерть деда в 1788 г., а затем отца в 1791 г. принесли Арманду-Эмманюэлю, соответственно, второй и первый фамильные титулы, герцог де Фронсак и герцог де Ришелье. Являясь пятым представителем герцогского дома Ришелье, берущего свое начало с 1631 г., Арманд-Эмманюэль приходился правнучатым племянником основателю этого дома, кардиналу Арманду Жану дю Плесси Ришелье, знаменитому министру Людовика XIII.

Рано потеряв мать, Арманд-Эмманюэль в детстве воспитывался под присмотром своих тетюшек. В юности он получил блестящее образование: вначале домашнее под руководством аббата Лабдана, а затем — в коллегии дю Плесси, основанной, как известно, его знаменитым предком, кардиналом. Обладая отменной памятью и соответствующими наклонностями, Ришелье получил в стенах коллегии основательное классическое образование. Он не только свободно владел латинским и древнегреческим языками, но и благодаря своей натренированной памяти в совершенстве овладел немецким, английским и итальянским. Несколько позднее, находясь уже на русской службе, он поразил своего близкого друга и соратника графа Ланжерона тем, что за каких-то несколько меся-

цев овладел русским языком, чего тот не сумел сделать за сорок лет нахождения в России.

Вообще, следует подчеркнуть, что основные черты характера Ришелье отчетливо проявились уже в юности. Ум, природная доброта, широкая образованность и, вместе с тем, твердость, решительность, верность слову и преданность друзьям, сочетались в нем с какой-то трогательной застенчивостью и доходившим почти до пуританского аскетизма неприятием роскоши. Даже в юные годы, когда, в силу его положения, перед ним раскрывались самые соблазнительные искушения, он не любил великосветского общества и под любым предлогом старался избегать посещений Версальского двора, где пышная, но праздная жизнь высших французских аристократических кругов претила ему пустотой нравов. Для современников это было вдвойне удивительно, так как дед Армандо-Эмманюэля, маршал Ришелье, который взял на себя всю полноту заботы о будущем внука, имел репутацию прямо противоположную.

Надо сказать, что маршал Ришелье был, пожалуй, одной из наиболее колоритных и известных фигур в истории Франции на протяжении почти всего XVIII в. Введенный в пятнадцатилетнем возрасте, еще в начале столетия, в придворную жизнь, он, по словам герцога Сен-Симона, "показал столько эlegantности, а в своем поведении столько ума, свободы и воспитанности, что вскоре стал идиолом двора". В своей жизни маршал отличился на поле брани, занимался дипломатической деятельностью, трижды сидел в Бастилии за любовные похождения, о которых ходили легенды, трижды был женат. Причем, в последний раз женился на юной красавице и дожил до 93 лет, сохранив до конца дней любовь к верховой езде, балам и азартным играм. Впрочем, маршал являлся членом Французской академии, почетным членом Академии надписей, уважал и покровительствовал просветителям и был в дружеских отношениях с Вольтером, обширная переписка с которым говорит о его изящном вкусе и наличии острого ума.

Между тем маршал Ришелье фанатично любил внука, внешнее сходство с которым, по свидетельству многих, было просто поразительно. Однако сам маршал заявлял о своем внуке: "Он унаследует мои достоинства без моих недостатков". И оказался совершенно прав.

Разница в характере между дедом и внуком обнаружилась очень рано. Впоследствии в кругу друзей Арманд-Эмманюэль любил вспоминать некоторые забавные эпизоды из своих отношений с дедом, как, например, случай с кошельком. Однажды после удачной карточной игры с королем маршал на радостях подарил внуку 40 золотых луидоров для "маленьких

удовольствий", а через две недели полюбостовал: "Надо наполнить твой кошелек, должно быть, он пуст?" — "Нет, дедушка, — ответил Арманд-Эмманюэль, — у меня еще сохранились те 40 луидоров, которые вы мне дали". Тогда маршал взял из рук внука кошелек, и, открыв окно, бросил его проходившему по улице нищему со словами: "Возьми, любезный, здесь 40 луидоров, которые мой внук не сумел истратить за две недели".

Но напрасны были подобные полунеинные ухищрения старого вояки и былого покорителя королевских фавориток, дабы приобщить своего преемника к великосветскому образу жизни. Ришелье до конца дней оставался равнодушным к подобным искушениям, и блеск золота никогда не ослеплял его.

Между тем личная жизнь Арманда-Эмманюэля сложилась неудачно. У него была приятная наружность. Близко знавший его много лет граф Ланжерон так описывал внешность Ришелье: "Высокого роста, стройный, худощавый и немного сутулый. В 15 лет его фигура была прекрасна и оставалась приятной до конца его жизни. Особенно его украшали большие черные глаза, горящие огнем, которые придавали его лицу выражение одновременно одухотворенности и пикантности; лицо у него было очень смуглое, волосы курчавые и сильно черные, они поседел со временем". Казалось бы, все сулило ему счастливую семейную жизнь. Но предрасудки аристократических взглядов по вопросам брака сделали Ришелье в личной жизни глубоко несчастным человеком.

В пятнадцатилетнем возрасте, не видя будущей невесты, он был помолвлен с представительницей могущественного и богатого рода, Розали Рошешуар. Свадьба должна была состояться, когда ему едва исполнилось 18 лет. Накануне бракосочетания Ришелье впервые увидел свою будущую жену и был поражен ее уродством. Произошел крупный скандал. Три дня Арманд-Эмманюэль отказывался выйти из своей комнаты. Однако слово было дано, а честь не позволяла его нарушить. Не взглянув ни разу на супругу, Ришелье, выйдя из церкви после бракосочетания, сразу же сел в коляску и вместе с аббатом Лабданом уехал в длительное путешествие по Европе.

Много лет спустя, когда в 1815 г. Александр I прибудет в Париж и познакомится с Розали Ришелье, он выскажется в интимном кругу: "Теперь я понимаю поведение герцога Ришелье по отношению к своей жене. Мой дорогой друг, как уродливо и страшно выглядит она! Я уверен, она очень умна и у нее много добрых качеств, но жениться в возрасте двадцати лет — это требует сверхчеловеческой храбрости, чтобы глядеть на такое уродство".

Справедливости ради следует отметить, что Розали Рошешуар действительно была умна и обладала добрыми наклонностями. И не ее вина, что два могущественных аристократических рода совершили сделку. А потому впоследствии она могла стать для Ришелье не более чем добрым другом, однако, отнюдь не женой. Конечно, у Ришелье были все возможности, чтобы найти утешение в увеселительных похождениях в среде "золотой молодежи", но здесь были замешаны уже такие понятия как честь и человеческое достоинство, столь мало понимаемые в высших кругах Франции предреволюционного времени.

Находясь формально на службе с 1784 г. в чине подпоручика в драгунском полку королевы, Арманд-Эмманюэль тяготился этим. Ему хотелось настоящего, живого дела. Не случайно, когда началась в 1787 г. русско-турецкая война, он просился на военную службу в Россию, но получил отказ от короля. Смерть маршала Ришелье в 1788 г. принесла Арманду-Эмманюэлю не только титул герцога де Фронсак, но и ряд наследственных высших придворных должностей. Так, например, еще при жизни деда, в возрасте всего девятнадцати лет он стал первым дворянином королевской палаты (*premier gentilhomme de la chambre*). Но, как уже отмечалось выше, он не любил посещений королевского двора. К тому же, искренне презирал придворную жизнь. Впрочем, новые должности не обременяли его, и он мог по-прежнему много путешествовать. Между тем через год во Франции началась Великая революция, перевернувшая и судьбы Европы, и судьбы отдельных людей, в том числе и Ришелье.

Весть о взятии Бастилии революционным народом 14 июля 1789 г. юный герцог де Фронсак встретил с радостью. Как и многие французы, он надеялся на очищающую силу, способную исправить насквозь прогнившую государственную систему абсолютизма, погрязшую в коррупции, разврате и интригах господствующего сословия. Правда, события 5-6 октября, когда он безуспешно пытался убедить Людовика XVI остановить надвигающийся хаос анархии, потрясли Ришелье и переменили его взгляды на революцию. Он вновь уехал из Франции, и осенью 1790 г. оказался в Вене, где случайно стал свидетелем получения из России известия, которое круто изменило всю его дальнейшую жизнь.

В конце октября вместе с Ланжероном, находившимся к тому моменту уже на русской службе и принявшим участие в военных действиях против Швеции, Ришелье обедал у Карла де Линя, сына известного австрийского фельдмаршала. В этот момент русский курьер привез в Вену весть о предстоящем штурме Изамаила. Молодые офицеры тут же изъявили же-

ление принять личное участие в этом историческом сражении. Не откладывая своих намерений, Ланжерон, Карл де Линь и Ришелье отправились в штаб-квартиру главнокомандующего русской армии Г.А. Потемкина, располагавшуюся в Бендерах. Продолав путь всего за девять дней, они предстали перед светлейшим князем. Потемкин встретил их приветливо и назначил в отряд, входивший в состав гребной флотилии Дерибаса.

Яростный штурм русских войск под командованием А.В. Суворова 11 (22) декабря 1790 г. увенчался успехом. Измаил был взят. Мужество и храбрость Ришелье в этом самом кровопролитном бою за всю европейскую историю восемнадцатого века, в котором он получил ранение, не остались незамеченными. Он был награжден Георгиевским крестом 4-ой степени и золотой шпагой. Но важнее всего то, что за свои бесстрашные и умелые действия Ришелье приобрел высокую репутацию среди офицеров русской армии. Отмечая это, Екатерина II в письме к барону Гримму писала в мае 1791 г.: "Единогласны отзывы о нынешнем герцоге Ришелье. Хочу, чтоб он разыграл во Франции роль кардинала этого имени, не обладая, однако, его недостатками. Я люблю людей с достоинствами, а потому и желаю ему всего хорошего, хотя и не знаю лично. Я написала ему прекрасное рыцарское письмо при отправлении креста св. Георгия, и, назло народному собранию, я хочу, чтобы он оставался герцогом Ришелье и помог восстановить монархию". Добавим, что воспоминания Ришелье о штурме Измаила легли в основу соответствующих сцен в "Дон Жуане" Байрона, в которых великий английский поэт вывел Арманда-Эмманюэля в качестве главного героя.

В начале 1791 г. умер отец Арманда-Эмманюэля и он, едва оправившись после боевого ранения, вынужден был в спешном порядке вернуться в Париж. С этого времени он соединил в себе все фамильные титулы, которые, впрочем, во Франции того времени были уже скорее опасны, чем почетны. По настоятельной просьбе Людовика XVI Ришелье вынужден был стать одним из руководителей личной охраны короля, которого он, не любя, по долгу совести и чести не мог оставить в трудную минуту. Однако, узнав случайно за два дня от лакея о готовившемся побеге королевской семьи, герцог был до глубины души оскорблен недоверием и двуличностью Людовика. Ришелье покинул короля и удалился в свое имение. Как известно, так называемое Вареннское бегство окончилось неудачей, а Людовик со своей семьей был схвачен и насильственно возвращен в Париж. Ришелье же твердо решил вернуться на русскую службу.

Герцог подал надлежащую просьбу в Национальное собрание и вско-

ре, 1 августа 1791 г., официально получил паспорт для выезда в Россию. Этот момент очень важен, так как он имел серьезные последствия в решении вопроса о законности признания Ришелье эмигрантом с последующей конфискацией всего его имущества. Сохранилось несколько официальных документов, в частности, протокол Национального собрания от 27 июля 1791 г. о выдаче разрешения для возвращения Арманда Ришелье на русскую службу, а также юридическое обоснование незаконности признания его эмигрантом, датированное 26 мая 1792 г. Но, как бы то ни было, Ришелье был полностью лишен всего движимого и недвижимого имущества во Франции. Теперь единственным источником его доходов могла быть только служба.

Приехав в Петербург, герцог приветливо был принят русской императрицей. Он даже был допущен в избранный круг Екатерины II, собиравшийся по вечерам в Эрмитаже.

В то время у царицы имелись свои политические расчеты — втянуть революционную Францию в войну с Англией. Для этого она предполагала временно ослабить контрреволюционную армию принца Конде, явно переоценивая ее истинные возможности и желания. Поручив Ришелье разработать проект создания военных поселений французских эмигрантов в Северном Причерноморье, императрица послала герцога для переговоров в Кобленц, снабдив его кругленькой суммой в 60 000 рублей золотом. Естественно, контрреволюционная верхушка ответила отказом, и сделка не состоялась. Но сам по себе факт весьма примечателен.

Отметим, что план организации военных поселений, разработанный Ришелье в 1792 г., представляется весьма оригинальным и зрелым с точки зрения организации и экономических предложений. Но расчет на то, что бывшие французские нобили будут сами себя кормить на земле, выглядел, по крайней мере, наивно.

Вернувшись в Петербург, Ришелье вместе со своим другом Ланжероном вскоре был прикомандирован к австрийской армии, в составе которой участвовал в 1793 и 1794 гг. в военных действиях в Нидерландах. Надо сказать, что его роль в этой кампании сводилась, скорее, к роли иностранного наблюдателя, чем непосредственного участника боевых действий, о чем свидетельствуют обширные рапорты русскому правительству. Поражение австрийцев заставило Ришелье вернуться в Россию, где в 1795 г. не без помощи высоко ценившего его фельдмаршала П.А. Румянцева он получил кирасирский полк, дислоцировавшийся на Волыни.

Смерть Екатерины II в ноябре 1796 г. изменила положение Ришелье.

Взошедший на престол Павел I вскоре назначил его командиром лейб-гвардии Кирасирского полка, квартировавшего в Царском Селе. Герцог был произведен в генерал-майоры, но особой радости почетная должность ему не принесла. Нелепые придирки и мелочная регламентация Павла становились нестерпимыми. Дело окончилось скандалом. Однажды, увидев, как в одной из близлежащих деревень начался пожар, Ришелье отдал приказ своим солдатам оказать содействие в его тушении. Узнав об этом, Павел I в самых оскорбительных выражениях публично отчитал командира полка за то, что тот посмел отдать такую команду без соответствующего разрешения императора. То, что в случае соблюдения данного требования деревня успела бы сгореть дотла, в расчет не принималось.

Добровольно уйдя со службы, Ришелье переживал далеко не самые лучшие дни своей жизни. Он внимательно следил за политическими событиями в Париже, и ему показалось, что Наполеон стабилизировал обстановку, тем более что в 1801 г. был подписан русско-французский договор. Это подтолкнуло его к мысли о возвращении во Францию, где он намеревался жить частным образом. При содействии русского посольства герцог получил разрешение на въезд и в январе 1802 г. оказался в Париже.

Несколько месяцев пребывания на родине убедили его в невозможности жить частным человеком, не поступив на службу к Наполеону. Последнее было абсолютно невозможно с точки зрения его понимания личности и роли первого консула. Несмотря на то, что Наполеон выдал герцогу паспорт, он отказывался вычеркнуть его имя из проскрипционного списка политических эмигрантов. При этом Талейран недвусмысленно заявил Ришелье о желательности для первого консула видеть его под своими знаменами. Аудиенция Розали Ришелье у будущей императрицы Жозефины окончательно развеяла сомнения относительно цены, которую должен был заплатить Арман-Эмманюэль в обмен на личную реабилитацию и возвращение имущества.

Ришелье написал письмо на имя императора Александра I, с которым подружился, когда тот был еще только наследником престола, с просьбой о восстановлении на русской службе. Ответ императора не заставил себя ждать. Александр высоко ценил способности Ришелье, а потому в письме от 27 июня (9 июля) 1802 г. он в самых учтивых и любезных выражениях пригласил герцога в Петербург.

Александр I предложил герцогу ряд значительных постов, из которых Ришелье без колебания выбрал должность градоначальника Одессы. Данное решение на первый взгляд может показаться странным, так как перед

генерал-лейтенантом Ришелье открывались, казалось бы, более значительные перспективы, чем становится во главе небольшого городка на берегу Черного моря, насчитывающего всего восемь лет со дня своего основания. Но дело в том, что с начала 1802 г. русское правительство придавало Одессе особое значение, как одному из важнейших центров в проведении своей южной политики. Это и продиктовало необходимость назначения одесским градоначальником компетентного человека, который, к тому же, был бы напрямую связан с правительством и пользовался его особым доверием. Но посмотрим, хотя бы кратко, на состояние города к моменту назначения Ришелье.

Основанная в 1794 г. по именному указу Екатерины II, Одесса с самого начала планировалась как главный порт для русской заграничной торговли на берегах Черного и Средиземного морей. Менее чем за два с половиной года активного строительства под руководством вице-адмирала О.М. Дерибаса и инженер-полковника Ф.П. Деволана в Одессе появились первые портовые сооружения и городские здания. Возникнув на малозаселенной территории, город стал постепенно наполняться жителями. Восшествие на престол Павла I оборвало эти полезные и успешные начинания. Признав строительство Одессы бесполезной тратой средств, царь запретил продолжение работ по устройству одесского порта. Правда, через два года Павел пересмотрел свое решение. Но удар по юному городу был настолько чувствителен, а новые указы царя такими противоречивыми, что все говорило о предстоящем длительном провинциальном прозябании. Однако, к счастью, этого не случилось. Дворцовый переворот 11 марта 1801 г. возвел на престол Александра I, который возвратился к мерам, предусмотренным по отношению к Одессе его бабкой.

Непосредственное наблюдение за исполнением императорских распо-

ряжений относительно устройства одесского порта было возложено на министра торговли Николая Петровича Румянцева, о чем говорил текст именного рескрипта от 18 (30) марта 1802 г.: "Господин министр коммерции граф Румянцев, всемилостивейше даровав городу Одессе разные милостивые вспоможения, мы надеемся, что оные способствовать будут к распространению торговли того края; а поелику наблюдение, дабы таковые пособия во тщету не обратились, а равномерно чтоб устройство тамошней гавани производилось с возможнейшим успехом, высочайше возложено было на предместника вашего князя Гагарина, то равное тому поручение возлагаем ныне на вас". В свою очередь, Франц Павлович Деволан, стоявший у истоков рождения Одессы и занявший в правительстве Александра министерскую должность, также писал Румянцеву в 1802 г.: "Если правительство убеждено, что государственная польза требует окончания столь важного порта и устройства столь важного города как Одесса, то должно поручить ее управление Начальнику с обширною властью, человеку испытанной честности, глубокого ума и обширных сведений..."

2

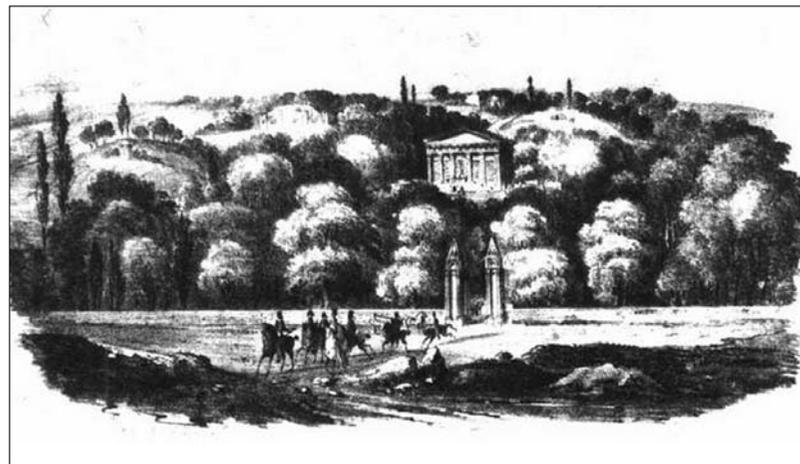
Надо сказать, что столь пристальное внимание русского правительства к продолжению строительства Одессы во многом объяснялось настоятельной необходимостью развития прямых торговых отношений со странами Средиземноморья. В свою очередь, в этом была серьезно заинтересована не только русская сторона, но и Португалия, Испания, итальянские государства, Франция и ряд других европейских стран. Так, например, в 1802 г. Наполеон писал Александру I: "Государство Вашего Величества и Франция приобрели бы много выгод, если бы открылась прямая торговля между нашими портами на Средиземном море и Россией через Черное море. У Екатерины был такой план. То было бы одно из самых полезных торговых движений: оно самое прямое и пошло бы по морям, всегда доступным плаванью между владениями Вашего Величества и Францией. Мы могли бы вести из Марселя прямо в порты Черного моря произведения наших колоний и мануфактур, а взамен получали бы хлеб, лес и другие товары, легко доставляемые по большим рекам, впадающим в Черное море".

Между тем Румянцев и сам прекрасно понимал, что самые благие решения правительства относительно главного порта на Черном море останутся лишь бумажным делом, если не будет непосредственного энергич-

ного руководства на месте. С этой целью он настоятельно советовал императору подыскать такого человека, который бы по своим качествам мог занять пост градоначальника Одессы, обладая при этом особым доверием правительства. Таким лицом и оказался герцог Ришелье, назначенный на данный пост указом Правительствующему Сенату от 27 января (8 февраля) 1803 г.

По своим экономическим воззрениям Ришелье был близок к физиократам. Пост градоначальника, независимого от мелочной опеки бюрократической иерархии, позволял ему на практике применять прогрессивные для того времени теоретические взгляды на необходимость свободы торговли, земледелия, производственной деятельности, активное накопление и оборот капиталов и т. д. Кроме того, данный пост позволял ему быть полезным и для Франции, которой, согласно с договором 1802 г., разрешалось проводить свои суда в Черное море под собственным флагом. В письме к Талейрану Ришелье недвусмысленно писал: "...предназначенный мне пост на Черном море, вероятно, позволит мне оказывать некоторые услуги также моей стране и моим соотечественникам".

При этом нельзя забывать, что у герцога были определенные обязательства и перед своей семьей. Заинтересованный в сохранении хороших отношений с Россией, Наполеон после личного обращения к нему Александра I согласился вычеркнуть имя Ришелье из проскрипционного списка политических эмигрантов и вернуть ему часть недвижимого имущества. Кстати, эти доходы герцог полностью передал в распоряжение двух

своих сестер и жены. "Если у меня ничего не останется, — писал Ришелье, — ну что ж! Я могу ходить с высоко поднятой головой, и всему, что у меня будет, я никому не буду обязан, кроме как самому себе".

В марте 1803 г. герцог Ришелье прибыл в Одессу. Первым шагом для него была необходимость вникнуть в состояние дел города. Одесса к тому моменту насчитывала около 9 тыс. населения, городской земли приблизительно 42 000 десятин, из которых 12 000 были приобретены городом у помещика Алтестия. В городе было 28 казенных и 1092 частных дома, 23 мельницы, 16 мастерских и небольших фабрик, лавок 171, 3 казармы, одна больница и 6 церквей, большей частью недостроенных. Городские расходы превышали доходы, и простирались, соответственно, до 45 122 руб. 12 коп, и 40 675 руб. 38 коп.

Естественно, исправить немедленно финансовое и хозяйственное состояние города Ришелье не мог. Но им сразу же был заложен такой механизм, большинство пунктов из которого, как мы увидим, на много лет вперед определили удивительно быстрый рост Одессы, одного из наиболее динамично развивавшихся городов Европы XIX в.

С 1802 г. правительством было разрешено употреблять десятую часть таможенного дохода, получаемого в порту, для отстройки Одесской гавани. Благодаря ходатайству Ришелье, в июне 1803 г. по распоряжению Александра I было предписано: "...для продолжения в море недоконченного в Одессе маяка и для произведения в тамошнем порте других исправлений и работ, Одесским военным губернатором дюком де Ришелье предполагаемых, отныне уделять ежегодно пятую часть таможенных того города сборов, вместо десятой".

Одновременно было разрешено взимание так называемого ластового сбора с судов, прибывавших в Одесский порт, из которого половина шла в казну, а оставшиеся суммы — в городской бюджет. Наряду с такими важными источниками дохода Одессы как откуп весов и мер, плата за найм общественных земель, оценочный сбор с дворянских домов, винный откуп и др., купеческое сословие города само предложило герцогу исходить от правительства платеж в городской бюджет по две с половиною копейки с каждой четверти пшеницы, отпускаемой за границу. Такое разрешение было дано. Но одесские купцы тут же добровольно вызвались удвоить эту пошлину, с тем чтобы "собираемая таким образом сумма употреблялась на исправление дорог, на образование разных источников к достаточному продовольствию города и на другие для Одессы полезные предметы".

Особое значение Ришелье придавал увеличению заграничной торговли. Достаточно сказать, что если в 1802 г. в Одесский порт прибыло 100 иностранных судов, цифра, отметим, не маленькая, то в 1804 г. их уже было 449, а в 1805 г. — 666 кораблей. Чтобы добиться столь резкого увеличения иностранной торговли наряду с каботажной, герцогу приходилось принимать самые разнообразные энергичные меры, привлекавшие иностранных и русских купцов. В число мер, проводимых герцогом, входили: создание коммерческого суда, променной конторы, уменьшение таможенной пошлины на 25%. В 1804 г. в записке для правительства Ришелье предложил введение в Одессе порто-франко, которое не было тогда еще поддержано. Но необычайно эффективными стали другие его предложения. В частности, разрешение русским и иностранным купцам провозить через Одессу иностранные товары, за исключением запрещенных, транзитом в Молдавию, Валахию, Австрию и Пруссию, что резко подняло значение одесского порта как одного из важнейших в морской торговле для Центральной и Восточной Европы. Кроме того, Ришелье добился разрешения учредить в Одессе складочные магазины для беспошлинного складирования в них до полутора лет иностранных товаров.

О бурном возрастании торговой активности одесского порта в начале XIX в. сохранились многочисленные документальные свидетельства. Например, английский путешественник Джон-Генрих Сиеврак так описывал увиденную им картину в письме из Одессы в августе 1804 г.:

"Город Одесса, основанный на прелестном склоне, возвышается над бухтой; с города для взора беспрепятственно открывается открытое море, теряющееся в пространстве в пределах устремленного взгляда. Ни один самый прекрасный и благородный спектакль не сравнится с движением парусных судов, заходящих и уходящих беспрестанно. Некоторые из них, высоко и гордо поднявшие свои паруса, рассекают воды; другие, прижавшись к берегу с закрепленными парусами, ищут здесь свое укрытие от свирепости штормов".

В совокупности все предпринятые меры Ришелье дали самый положительный результат для ободрения одесской торговли. Но это была хотя и важная, но всего лишь часть многогранной деятельности градоначальника Одессы в данный период. Несомненной заслугой герцога Ришелье как раз и явилось то, что он с самого начала стремился к гармоничному развитию юного города. Так, например, желая сделать Одессу как можно более привлекательной для жителей и приезжающих, герцог всячески поощрял создание городского театра, дававшего свои пред-

ставления во временном помещении, устроенном в одной из старых казарм. Одновременно Ришелье заказал в Петербурге у известного архитектора Тома де Томона проект здания театра, строительство которого было завершено в 1809 г. под наблюдением городского архитектора Фраполли. Устройство театра обошлось городу в 25 тыс. рублей, но трудно сказать, во сколько десятков раз оно окупилось благодаря притягательности итальянских и польских артистов, дававших в Одессе свои представления. Сотни богатых купцов и помещиков близлежащих и удаленных губерний стремились провести здесь свободное время, а это значило, в свою очередь, новые деловые контакты и приток денежных средств в бюджет города.

С этой же целью герцог уделял значительное внимание строительству и благоустройству города, понимая, что устроенность жизни в Одессе — залог ее дальнейшего процветания. Строительство велось по утвержденному в 1803 г. Александром I плану, успешное воплощение которого свидетельствовало о полнокровной хозяйственной жизни города. Английский ученый Томас Макджил, побывавший в Одессе летом 1805 г., так описывал свои впечатления: "Одесса (как город) существует едва четыре года, а ее население, уже достигшее десяти тысяч человек, возрастает с каждым днем. Дома и магазины этого города прекрасны; все здания здесь строят из одной разновидности нарезного камня. Благодаря тому, что следуют регулярному плану, уже в данный момент можно увидеть расположение очень красивых улиц".

Мы еще вернемся к некоторым моментам деятельности Ришелье по благоустройству Одессы, а теперь посмотрим на личность градоначальника, какой она виделась одесситам тех лет. В этом особую ценность представляют для нас документальные свидетельства Шарля Сикара, полковника Стемпковского, Габриэля де Кастельно, Луи-Виктора Рошешуара и др., которые на протяжении многих лет имели возможность непосредственно наблюдать жизнь Арманда-Эмманюэля в Одессе.

Приехав в город, герцог поселился в небольшом доме, состоявшем из пяти комнат и маленьких пристроек, где он жил вплоть до своего отъезда из России. Это весьма скромное жилище со столь же скромной мебелировкой служило для Ришелье и как рабочий кабинет, и как канцелярия. Кстати, история этого дома представляется также весьма любопытной. Дело в том, что считается, что дом сразу же был приобретен для герцога городом. Но в делах Одесского строительного комитета за 1805 г. есть интересный документ, озаглавленный "Прошение майорши Магдалины Под-

жио", из которого явствует, что "за занятой дом ею для господина Одесского военного губернатора и кавалера дюка де Ришелье", следует уплатить 600 руб. и 70 руб. за проживание двух человек в пристройке в течение 6 месяцев. Означенная сумма была выплачена. Нет сомнений, что речь идет о прошении, поданном матерью будущих декабристов, Александра и Иосифа Поджио, Магдалиной Осиповной.

По единодушным свидетельствам, работоспособность Ришелье была просто поразительна. Он не имел личного секретаря и принимал все бумаги, читал и отвечал на них сам. Причем, переход с русского на английский, немецкий, итальянский или французский язык у него был очень легок. Ежедневно Ришелье работал не менее 8-10 часов и при такой нагрузке не забывал поддерживать личную переписку, которая, к слову, была достаточно обширна. Чтение книг и газет на досуге было его любимым занятием. Так, в его жилой комнате книги находились повсюду, но настольными были тома Вергилия и Цицерона.

Рабочий день у герцога начинался очень рано. Зимой и летом он вставал в 6 часов, выпивал чашку кофе и приступал к работе. В течение часа, с 8 до 9 ч., давал аудиенцию, затем продолжал работу до 12 ч. 30 мин. В 13 ч. обед, на котором присутствовало, как правило, 10-12 человек. Впрочем, обеды у Ришелье не отличались разнообразием. Непритязательность герцога к пище даже послужила поводом для недовольства у ежедневно обедавших у него Кастельно и Рошешуара. Однажды Кастельно заметил Ришелье, что три года подряд они едят одно и то же мясное блюдо. Герцог смутился и ответил: "Мой дорогой друг, неужели действительно я ем это ежедневно на протяжении трех лет? Вот как, а я и не замечал этого". Это была не поза, что вообще было противоестественно Ришелье, а образ жизни. Но замечание подействовало, и стол стал значительно более разнообразным за счет мяса, рыбы, овощей и фруктов, в том числе и за счет продуктов, выращиваемых самим Ришелье. После обеда он выезжал на двуколке или выходил пешком по делам в город и порт или продолжал работать у себя. Вечером, если не было оперы, балета или бала, любил повозиться на участке земли, где выращивал цветы и фруктовые деревья.

После назначения Ришелье в 1805 г. Херсонским военным губернатором и управляющим гражданской частью Екатеринославской и Таврической губерний Одесса, фактически, стала правительственным центром огромного Новороссийского края, равного по размерам Франции. Но более чем престижная должность не изменила образа поведения Одесского гра-

дона начальника и его отношений с жителями. В свободное время он обходил город и порт, инспектировал работы, посещал прибывших в карантине, убеждая их чаще приезжать в Одессу или поселиться здесь. В городе он лично знал всех купцов, независимо от национальной принадлежности. Встречая их или посещая лавки и магазины, интересовался их успехами, желаниями и потребностями. Поселившийся в Одессе с 1804 г. крупный негодант Шарль Сикар писал в своих воспоминаниях: "Его часто видели стоящим на улице с крестьянами и людьми низших классов, беседовавшего о их положении, дававшего им советы и помощь. Точно так же, как собственникам и купцам, местным и иностранным, всех классов и всех стран, которые стекались в Одессу".

Думается, что не случайно ряду отечественных и иностранных наблюдателей тех лет Одесса времен Ришелье напоминала своеобразную республику.

Конечно, авторитет у герцога Ришелье был огромен. Если к этому добавить его личную дружбу с императором, обширные связи в высших сферах не только России, но и многих европейских стран, то становится понятным, насколько непривычным и странным был для многих приезжавших в Одессу подобный образ жизни человека, облеченного огромной силой власти. Например, многих поражало, что Ришелье не пользовался каретой, как и то, что он ходил по городу без охраны.

Надо сказать, что Арман-Эмманюэль несколько страдал зрением, что доставляло ему определенные неудобства. Как человек, воспитанный в европейском духе, он всегда заблаговременно здоровался с женщинами и очень смущался, если не успевал этого сделать первым. Поэтому герцог просил тех, кто сопровождал его, предупреждать заранее, если навстречу шла дама. Кстати, для юных одесситов того времени в этом заключалась одна забава. Проходя мимо дома, где размещался городской клуб, и на балконе которого часто находились местные дамы, Ришелье неизменно останавливался, снимал шляпу и раскланивался. Но нередко балкон оставался никем не занятым, о чем герцог не подозревал, и, к всеобщему удивлению, градоначальник приветствовал пустой балкон.

Между тем, летом 1806 г. началась русско-турецкая война. Командуя дивизией на левом фланге русской армии, Ришелье форсировал Днестр и, практически без боя, занял Аккерман, а несколько позднее и Килию. Причем, при капитуляции Аккермана произошел довольно забавный эпизод. Не дожидаясь основных сил и желая избежать излишнего кровопролития, Ришелье со своим переводчиком вошли для переговоров в крепость,

где были приняты начальником турецкого гарнизона. После непродолжительной беседы герцог подошел к окну и показал турецкому паше марширующих русских солдат, входящих в город. Турецкий комендант был неглуп и понял безвыходность своего положения. Но в обмен на почетную капитуляцию попросил у "русского паша" голову не понравившегося ему драгомана. В самых учтивых выражениях Ришелье объяснил, что у него нет права оказать подобную любезность. Турок был весьма удивлен ограниченностью власти генерал-губернатора, о могуществе которого он столько слышал.

Необходимо сказать, что к моменту начала войны с Турцией Россия выступала на стороне своей союзницы Австрии в войне против Наполеона, что отвлекало основные военные силы, и события на турецком фронте развивались довольно вяло. В то же время Ришелье, который со своими частями приступил к осаде Измаила, тяжело заболел лихорадкой и был отвезен в Одессу, сдав предварительно командование над войсками А.Ф. Ланжерону.

Вообще, отметим, что в русско-турецкой войне 1806-1812 гг. было много странного. Боевые действия велись на суше и на море. Тем не менее, торговые отношения, осуществляемые между Одессой и Константинополем, продолжались. И хотя иностранная торговля, шедшая через Одесский порт несколько сократилась, купеческие суда по-прежнему бороздили воды Черного моря, не задерживаемые ни русскими, ни турецкими военными кораблями. Кратковременное запрещение в 1810 г. императором Александром I вывозить зерно в Турцию из черноморских портов очень скоро убедило Ришелье в ошибочности подобного шага. Турция стала получать зерно из Египта, а российская торговля несла колоссальные убытки. После изложения правительству данных соображений Ришелье получил указ о снятии ограничений в вывозе зерна. Эти факты, пожалуй, являются лучшим доказательством объективной необходимости развития черноморской торговли и того огромного международного значения, которое приобрел одесский порт всего за несколько лет своего существования.

Территория, управляемая Ришелье, простиралась от Кубани до Днестра, но была заселена сравнительно слабо. Энергичные меры, принятые герцогом для увеличения населения края, довольно скоро стали давать положительные результаты. Например, в окрестностях Одессы за считанное время появились десятки поселений и колоний трудолюбивых земледельцев. Русские, украинцы, болгары, армяне, татары, евреи,

немцы, швейцарцы, французы и многие, многие другие представители различных национальностей охотно селились здесь, привлеченные либеральным управлением, относительной экономической свободой, религиозной терпимостью. Буквально на глазах стала преобразоваться картина унылых бескрайних степей, открывавшаяся прямо за чертой города.

Закупка лучших в мире по качеству шерсти овец — испанских мериносов, разведение шелковичных червей, приобретение во всех сторонах света семян и саженцев винограда, лесных и фруктовых деревьев, основание в Крыму первого ботанического питомника, ныне известного как Никитский ботанический сад, — да разве можно хотя бы перечислить все те начинания в культуре земледелия и животноводства нашего южного края, которые связаны с именем Ришелье!

3

Живущим в наши дни довольно сложно представить себе какую, без преувеличения, подвижническую роль сыграл Ришелье в деле озеленения Одессы. Сколько труда, упорства, наконец, таланта пришлось приложить, чтобы вырастить те первые акации и гледичии, яблони, вишни, абрикосы в условиях ограниченности в пресной воде и периодических суховеев и пылевых бурь. Почти во всех личных письмах Ришелье к своим знакомым и друзьям содержалась просьба о присылке тех или иных семян и черенков растений. Отлучаясь из Одессы в инспекционные поездки по Новороссийскому краю, герцог письмами регулярно инструк-

тировал своего адъютанта Рошешуара о том, как необходимо ухаживать за различными деревьями, кустарниками, цветами в его саду на Водяной балке (Дюковский сад). Проходя по улицам города и увидев засыхающее дерево возле какого-нибудь дома, Ришелье неизменно задерживался и обращался к его хозяину: "Прошу вас, полейте дерево. Если вам затруднительно, разрешите сделать это мне самому". Нелишним будет также вспомнить и то, что при Ришелье появился первый городской сад, устроенный на участке земли, подаренном городу в 1806 г. майором Феликсом Дерибасом.

Как широко образованный человек и дальновидный политик, герцог Ришелье с самого начала прекрасно понимал, что перспективы на будущее у Одессы, да и в целом края, без должного налаживания умственной жизни и подготовки образованных людей весьма прозрачны. Уже в 1804 г. он добился права открыть в Одессе гимназию и коммерческое училище, а также ряд частных пансионов. Однако система образования, возникшая в России в результате реформ 1803 года, самым неблагоприятным образом сказывалась на юных городах Северного Причерноморья. Находясь в юридическом подчинении Харьковского университета, одесские учебные заведения были вовлечены в некий бюрократический танец, когда одни и те же бумаги передвигались по замкнутому кругу — Одесса — Петербург — Харьков и т. д. Пожалуй, ни один вопрос не отнимал столько усилий и нервов у Ришелье, сколько этот. И все же, первые успехи были налицо. При нем был основан благородный институт, послуживший основой для открытия в 1817 г. Ришельевского лицея. Вначале благородный институт находился под руководством Вольсея, который за злоупотребления был отстранен герцогом, а затем из Петербурга был приглашен аббат Николь, ставший позднее первым директором лицея. Надо сказать, что Ришелье был первым, у кого появилась идея об учреждении в Одессе университета, но тогда эта мысль была отвергнута в Петербурге. Однако уже то, что ему, в конце концов, удалось пробить идею создания в Одессе лицея, второго в империи после Царскосельского, говорит о многом.

Ришелье, как впоследствии и М.С. Воронцов, был необычайно щепетил и корректен по отношению ко всем национальным группам, населявшим вверенный ему край. Любые попытки пренебрежительного или высокомерного отношения со стороны чиновников его аппарата по национальным или религиозным мотивам пресекались генерал-губернатором немедленно. Сам Ришелье при этом подавал личный пример подлинно

европейского, цивилизованного управления. И это было не просто направление, а целая политическая система, имеющая в своей основе созидательное, объединяющее начало, жизненный опыт и гуманистические традиции просветителей XVIII в. Конечно, Ришелье приходилось сталкиваться с множеством острейших проблем, особенно когда его убеждения входили в противоречие с распоряжениями центральной власти. Для того чтобы проиллюстрировать, насколько непросты были данные вопросы, приведем всего один пример.

После начала войны с Турцией из Петербурга пришло распоряжение конфисковать всех лошадей у ногайских татар. По существу, это означало гибель для целого народа, весь жизненный уклад которого был тесно связан именно с конями. Но предоставим слово самому Ришелье:

"Вы не можете не знать, мой дорогой генерал, — писал герцог военному министру, — что татары совершенно не имеют другого способа для существования, кроме своих лошадей, которые служат им при всех их перемещениях, и которые, кроме того, служат основным источником жизни для них. Если они этого будут лишены, какой страшный результат для этих несчастных! А какие нравственные последствия будут после исполнения этих мер, распространившись между христианами безмерным и агрессивным террором, не без основания, магометанцами, которые до настоящего времени не давали нам никакого повода для плохих отношений!.. Где найти пропитание для такого количества лошадей? Задумайтесь также о неизбежных злоупотреблениях, вызванных подобной эмиграцией, о воровстве, о мародерстве. Вы увидите, что в результате неминуемо уничтожение жителей полуострова и степей от Перекопа до Днепра. Мы окажемся, таким образом, в положении более трудном, чем то, которого желаем избежать. Я припадаю перед вами на колени, умоляя не настаивать на указанных мерах, которые принесут несчастье этому краю".

Фактически, герцогу Ришелье тогда удалось спасти сотни и сотни людей от разорения и верной смерти. В то же время, он всячески поощрял переход ногайцев с кочевого к оседлому образу жизни, выделяя им участки земли, необходимый инвентарь, следил, чтобы со стороны чиновников не допускались какие-либо злоупотребления и т. д. Можно понять, какой любовью пользовался герцог у этих людей, а ведь он являлся своеобразным олицетворением государственной власти. Не случайно при нашествии Наполеона в Россию ногайские татары добровольно сформировали отряды легкой конницы, боевые качества которой очень высоко ценило русское командование.

Надо сказать, что Ришелье был одним из немногих, кто после Тильзита не сомневался в истинных намерениях Наполеона. Император Франции шел к абсолютной власти в Европе, оплачивая свой путь кровью французов, итальянцев, испанцев, немцев, поляков и многих других европейских народов. Вторжение наполеоновских полчищ в Россию явилось логическим звеном в цепи этого кровавого пути.

Получив известие о начале войны, Ришелье выступил 28 июля (9 авг.) 1812 г. перед гражданами всех сословий Одессы с призывом оказать сильную помощь для защиты страны. "Для блага нового отечества, — заключал он свою речь, — для спасения его, я жертвовал и жертвую всем. Покажите и вы единодушно в нынешний день, что вы истинные россияне, и я не буду ожидать лестнейшей награды за попечения, которые имел о вас". Герцог пожертвовал 40 тыс. рублей, составлявших в тот момент все его состояние, и тут же при всех отдал деньги. Этот пример вызвал необычайное воодушевление среди горожан, не только собиравших деньги, но и изъявивших желание сформировать отряд добровольцев для регулярной русской армии, несмотря на освобождение южных провинций от каких-либо тягот войны.

Однако август 1812 г. открыл в Одессе одну из самых драматических страниц ее истории. Внезапная смерть трех актрис из театральной труппы Монтовани и Замбони заставила градоначальника назначить особую комиссию, выводы которой были однозначны — чума. Предпринятые дополнительные меры по введению для города карантинного положения не смогли остановить смерть, которая ежедневно уносила десятки человеческих жизней, невзирая на ранги и звания. Улицы Одессы опустели. Все лавки, магазины, общественные здания были закрыты. Лишь только мортосы вынуждены были заниматься своей страшной работой, не покладая рук вывозя на своих телегах трупы умерших на чумное кладбище.

Ришелье, собиравшийся накануне появления чумы отправиться в действующую армию, принял мужественное решение остаться в Одессе, хотя у него были все возможности руководить карантинными мерами за чертой города. Невзирая на смертельную опасность, градоначальник лично возглавил небольшую группу особого комитета, члены которого ходили по домам, советуя горожанам предпринимать те или иные меры предосторожности, фиксируя количество заболевших и умерших.

Арманд-Эмманюэль не был глубоко верующим человеком. Но по свидетельству аббата Николя, он один раз видел Ришелье рыдающим в церкви, после того как молодая женщина отдала герцогу с рук в руки

своего младенца, а затем скончалась. Это было потрясение выше человеческих сил.

Число умерших от чумы за пять месяцев простиралось до 2 640 человек, т. е. более 10% всего населения Одессы того времени. К февралю 1813 г. эпидемия жестокой болезни стала ослабевать. И хотя локальные рецидивы ее еще продолжались, чума была побеждена. Одесса вновь начала приобретать свой прежний, жизнерадостный деловой пестрый облик.

В 1814 г. взоры всей Европы были прикованы к событиям во Франции. Поражение Наполеона от объединенных сил коалиции привело к реставрации Бурбонов. Сев на трон, Людовик XVIII поручил сформировать правительство Талейрану, который вовремя сумел сделать очередной политический маневр и спасти не только свою голову, но и свою карьеру. Но вот что характерно, Александр I, который в свое время щедро оплачивая Талейрану предательство Наполеона, был до глубины души возмущен заносчивостью нового французского правительства, ведущего закулисные дипломатические интриги за спиной России.

Между тем Александр I, высоко ценивший Ришелье, попросил герцога прибыть к нему в Вену. Утром 26 сентября 1814 г. практически все жители Одессы собрались проводить своего градоначальника. Как бы предчувствуя, что больше никогда не увидит ставшую ему родной Одессу, Ришелье был искренне растроган теми сердечными знаками внимания и любви, которые оказали ему сограждане. Были цветы, были пышные тосты, были и слезы, ибо многие понимали, что герцог уезжает надолго, а может быть, навсегда. Несколько сот молодых людей выпрягли лошадей из дорожной коляски и довели Ришелье сами до почтовой заставы далеко за городом. В судьбе Арманда-Эмманюэля закрылся еще один период, который он до самого последнего дня считал лучшими годами в своей жизни. В октябре 1815 г., когда судьба его уже будет решена, Ришелье напишет в письме к А.Ф. Кобле:

"Управляя десять лет новороссийскими губерниями и проведши двенадцать лет в Одессе, я привык не отличать моего счастья от счастья обитателей сего края... Но сколь сильна сия привязанность, столько тяжела и разлука. Она была бы для меня несносна, если бы я не утешался надеждою, когда-либо увидеть еще любезную сердцу моему Одессу. Между тем воспоминание проведенных в сем городе дней будет для меня приятнейшей мыслью; благоденствие всего края пребудет всегда жарчайшим моим желанием". И когда Ришелье писал: "...я только те минуты жизни почту

счастливыми, в которые буду слышать о благоденствии Одессы", то это не были пустые слова. Используя личные встречи с императором Александром, герцог добился принятия целого ряда мер, направленных на дальнейшее торговое, экономическое и культурное развитие Одессы, начиная от введения порто-франко и заканчивая решением о создании Одесского лицея. По указанию царя за герцогом Ришелье сохранялись все доходы, которые он получал в России. Все до единой копейки герцог жертвовал в пользу Одесского благородного института, позднее преобразованного в лицей его имени.

Венский конгресс 1814-1815 гг. обнаружил полное непонимание реалий, в которых находилось правительство Людовика XVIII. "Сто дней" Наполеона резко отрезвили королевское окружение. Стало совершенно очевидно, что контролировать обстановку в стране без поддержки извне тогдашнее французское министерство не было способно. Желая наладить своеобразный мостик к могущественному русскому императору, Талейран предложил Ришелье министерский портфель в своем кабинете, но получил категорический отказ. В свою очередь, Александр I не мог простить Талейрану его антирусские интриги и двуличное поведение на Венском конгрессе. Все это подготовило почву для принятия отставки главы французского правительства, ставшей неожиданностью для многих, и, прежде всего, для самого Талейрана. Людовик XVIII обратился к Ришелье с просьбой взять на себя бремя управления Францией, но герцог, под благовидным предлогом незнания обстановки в стране, отверг и это предложение. Лишь только после неоднократных повторных предложений Людовика, с одной стороны, и настойчивых личных просьб Александра I, с другой, герцог согласился. Таким образом, Ришелье стал министром иностранных дел и премьер-министром Франции.

В нашу задачу здесь не входит подробное рассмотрение всех перипетий сложной и многотрудной деятельности герцога Ришелье на посту главы французского правительства в 1815-1818 и 1820-1821 гг. Отметим только, что сложность понимания противоречивости этой эпохи и того несомненного вклада во имя благополучия Франции, который внес Ришелье своей деятельностью, для многих стали очевидны лишь со временем.

По своим политическим убеждениям Ришелье являлся сторонником просвещенной ограниченной монархии, и с этих позиций он попал под яростный обстрел двух основных партий. С одной стороны — ультрароялистской, а с другой — либеральной, которые в борьбе с ним объедини-

лись в единый фронт. Придерживаясь правила: "как можно меньше таких законопроектов, которые способны возбуждать страсти", Ришелье ориентировался на те принципы, которые способствовали бы созидательным, а не разрушительным началам в экономике и политике страны. В одном из своих писем герцог следующим образом сформулировал свои взгляды: "Каналы, сельскохозяйственный устав, проселочные дороги, улучшение администрации, общественные предприятия — вот что нам нужно... Чего я боюсь, так это предложений в пользу эмигрантов".

Действительно, бывшие эмигранты, объединенные в ультрароялистскую партию и провозгласившие себя более роялистами, чем сам король, практически блокировали любые конструктивные предложения главы правительства Ришелье, который сам отказался от каких-либо притязаний на свои бывшие владения, распроданные в период революции, прекрасно понимал всю взрывоопасность и деструктивность яростных требований "возмездия" со стороны ультрароялистов. Но он был почти в полном одиночестве перед поднявшейся штормовой волной и крайне правых, и либералов.

Пожалуй, первым, кто в исторической науке подверг детальному объективному анализу ту парадоксальную, на первый взгляд, смычку либералов и ультрароялистов во Франции периода реставрации, был Н.Г. Чернышевский, который дал уничтожающую критику этим двум крайностям, сомкнувшимся в разрушительном для страны потоке. Надо сказать, что Чернышевский, основываясь на материалах той эпохи, в тоже время, очень высоко оценил деловые и человеческие качества Ришелье. В частности, перечислив основные заслуги французского премьера, Чернышевский отметил: "Словом сказать, не было в то время человека, которому Франция была бы так много обязана, как герцогу Ришелье".

Между тем в конце 1818 года, после Аахенского конгресса, на котором герцог сумел добиться для Франции самых благоприятных решений, он вынужден был просить об отставке. Не в силах терпеть постоянные нападки в "Беспримерной палате", Арманд-Эмманюэль твердо решил покинуть государственную службу. Все это время его не покидало острое желание вернуться в Одессу. "В Одессе, — писал он Ланжерону, — новое поселение, новая плантация, дерево наполняло наслаждением мое сердце и давало утешение за потраченные мною тяжелые труды. Здесь — никакой компенсации!"

Однако все сложилось по-иному. Убийство в феврале 1820 г. члена королевской семьи, герцога Беррийского, привело к отставке министерства

Деказа. Напуганная этим событием, королевская партия вновь самым стойчивым образом предложила Ришелье возглавить правительство. Герцог согласился, только когда граф д'Артуа, будущий король Карл X, дал честное слово дворянина не чинить препятствий деятельности его кабинета и оказывать ему полную поддержку. "Я буду вашим первым солдатом", — заявил д'Артуа Ришелье и... солгал. Когда Ришелье через год напомнил графу его клятву, д'Артуа ответил: "А, милейший герцог, вы слишком буквально поняли мои слова. И притом в то время мы находились в таких затруднительных обстоятельствах!".

После этого ответа герцог Ришелье, не раздумывая, подал королю прошение об отставке. Никаких отношений с людьми без чести и без совести он иметь не желал.

Человек, который сохранил для Франции целый ряд ее приграничных провинций, который накормил разоренную многолетними войнами и диктатом страну хлебом, ввозимым из русских черноморских портов, который своим дипломатическим искусством спас не только территориальную целостность поверженной Франции, но и вернул ей суверенитет и самостоятельность в сонме великих держав Европы, который освободил страну от унижения и позора содержать 150 тыс. солдат оккупационных иностранных войск, который спас для Франции сотни миллионов франков, а, значит, благополучие и жизни многих простых французов, которых задавило бы бремя новых налогов. Этот человек становился ненужным для кучки политиканов, ввергавших страну в новый кровавый виток разрушений.

Свободный от каких-либо моральных и служебных обязательств перед Людовиком XVIII, Ришелье принял окончательное решение вернуться в Одессу. Так, в январе 1822 г. он сообщил в письме к Сикару о том, что намерен приехать в Одессу летом этого года. Однако 16 мая 1822 г. в возрасте пятидесяти шести лет Арманд-Эмманюэль Ришелье скончался от кровоизлияния в мозг. Усталость и потрясения последних лет сказались для него самым пагубным образом.

Во Французской Академии, в речи академика Вильмена, посвященной памяти Ришелье, в частности, было сказано: "Он отличался естественным величием духа и скромностью, был чужд общих недостатков и ничего не признавал, кроме правды и долга". Под этими словами могли бы подписаться сотни людей, близко знавших Ришелье.

Весть о смерти герцога Ришелье была получена в Одессе в начале лета. Это было воистину горестное известие для всех граждан города.

По призыву графа Ланжерона одесситы приняли решение увековечить память о своем бывшем градоначальнике. На пожертвованные ими деньги был заказан в Петербурге у крупного русского скульптора Ивана Петровича Мартоса памятник Ришелье. 22 апреля 1828 г. на Приморском бульваре состоялось торжественное открытие памятника герцогу Ришелье, ставшего для поколений жителей Одессы достойным знаком благодарности и признательности этому незаурядному политическому деятелю и человеку, оставившему столь заметный след в отечественной истории.

Сергей ЛУЦИК

Аресты бывших офицеров осенью 1920 года в Одессе

При работе над комментарием к повести В. Катаева "Уже написан Вертер" было пересмотрено множество дел Гос. архива Одесской области (далее ГАОО) за 1920 год в попытке разыскать следы ареста и заключения Катаева, тогда вернувшегося с фронта молодого офицера. Никаких упоминаний фамилии будущего писателя обнаружить не удалось, но попутно встретились два дела, наполненные перепиской о преследовании бывших офицеров в конце 1920-го. Такова приятная особенность архивных изысканий: нужна одна информация, а находишь совсем иную, не менее важную! И хотя содержание забытых документов остается за пределами круга интересов автора настоящей публикации, показалось необходимым ввести их в научный оборот для будущих исследователей той трагической эпохи.

Оба дела — из фонда Р-4509, оп. 1, Одесского губернского военкомата за ноябрь-декабрь 1920 года. Одно из них имеет название: "Часть След[ственно] судная. О перерегистрации б[ывших] офицеров и военных чиновников для отправления в тыл (Д. 64, 392 листа). Другое дело (Д. 63, 235 листов) — без заголовка, содержит часть таких же материалов, а некоторые — идентичные копии — повторяются в обоих томах¹.

Переписка начинается документом от 6 ноября 1920 года на бланке "Одесской Губернской Чрезвычайной Комиссии" с печально известным адресом "Маразлиевская, 40а". Прочитируем его полностью, со всеми особенностями грамматики оригинала: "Губвоенкому Богданову. Присем препровождаю список быв. Офицеров Военных Чиновников арестованных военным Отделом О.Г.Ч.К. и содержащихся в Особой Тюрьме на Екатерининской 7, для на Ваше распоряжение для отправки их в Тыл. Приложение: Список Офицеров. Зам. Предгубчека Заковский"².

Текст письма нуждается в комментарии. Прежде всего, бросается в глаза безграмотность вершителей человеческих судеб. Адрес "Особой тюрьмы" — Екатерининская улица, 7 — до сих пор не попадался. В старых и современных источниках обычно фигурируют три здания ЧК на Екатерининской площади и блок домов на Маразлиевской, 40 — Канатной, 29. Оказывается, чекистами был занят еще и жилой дом на Екатерининской, 7, рядом с Пале-Роялем. В последующих документах есть ссылки на но-